

УДК 340.1

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ДИСКРЕТНОСТЬ В РАЗВИТИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

А. В. Григорьев

Академия МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: Grigor-alex@mail.ru

***Аннотация.** В статье проводится анализ тенденций развития теоретического юридического знания в после-революционный период. Доказывается, что в юридических изданиях советского периода при решении научных проблем использовался понятийный аппарат, разработанный еще в дореволюционный период. В этой связи обращается внимание на преемственность в праве в условиях идеологического диктата марксистской классовой теории.*
Ключевые слова: парадигма, преемственность, принцип партийности, советская юридическая методология, юридическая наука.

***Annotation.** The analysis of trends in the development of theoretical legal knowledge in the post-revolutionary period is carried out. It is proved that in the legal publications of the Soviet period, the conceptual apparatus developed in the pre-revolutionary period was used to solve scientific problems. In this connection, attention is drawn to the continuity in law in the conditions of the ideological dictate of the Marxist class theory.*

Keywords: paradigm, continuity, the principle of partisanship, Soviet legal methodology, legal science.

В результате революционных событий 1917 г. произошли коренные преобразования во всех сферах общественной жизни. Каким образом эти события отразились на дальнейшем развитии законодательства и теоретического юридического знания? Отвергало ли советское правоведение теоретические наработки и достижения политико-правовой мысли дореволюционного периода? Возможна ли преемственность в праве при смене научной парадигмы?

Под преемственностью в праве принято понимать связь между разными этапами (ступенями) в развитии права как социального явления. Суть этой связи состоит в сохранении определенных элементов или сторон права при соответствующих его изменениях.

Несмотря на то, что после Октябрьской революции 1917 г. альтернативные политико-правовые концепции еще могли существовать, уже к началу 20-х гг. XX в. на основе идеологии марксизма сформировалась новая классовая юридическая наука. В юриспруденции на смену методологическому плюрализму приходит диктат марксистской классовой теории, не допускавшей альтерна-

тивных подходов и политико-правовых концепций. В этих условиях многообразие политико-правовой мысли отрицается советской юридической методологией. В результате основные направления в теории права дореволюционного периода (историческая школа права, юридический позитивизм, социологическая юриспруденция, психологическая школа права и др.) подвергались критике за игнорирование классового начала, непонимание классовой сущности государственно-правовых явлений [1, с. 160].

Так, в условиях перехода от буржуазной общественно-экономической формации к коммунистической классовая борьба определяла характер законности, поэтому считалось, что законность должна служить не интересам всего общества, а интересам рабочих и крестьян. Более того, в период становления административно-командной системы и формирования тоталитарного политико-правового режима объективно отсутствовала необходимость в разработке проблематики, связанной с реализацией принципа законности как точного и неуклонного осуществления (соблюдения, исполнения, использования) законов, принятых на их основе подзаконных нормативных актов всеми органами государства, учреждениями, организациями, общественными образованиями, должностными лицами и гражданами. Дело в том, что для борьбы с так называемыми врагами народа, вредителями советской власти и др. необходимо было выработать иное понимание принципа законности, что позволило бы узурпировать всю полноту власти в руках правящей большевистской партии путем фактической ликвидации прав и свобод граждан, осуществления репрессий в отношении врагов народа и, как следствие, усиления влияния ОГПУ НКВД на все стороны общественной жизни. Именно поэтому в научный оборот и был введен принцип революционной законности, под которым понималось не только соблюдение законов, изданных рабоче-крестьянским правительством, но и проведение их на основе революционного правосознания в интересах трудящихся масс, а за отсутствием в законе указания на тот или другой случай в жизни — разрешение его на основе того же правосознания [2].

Исследование принципа революционной законности осуществлялось советской юридической наукой строго в рамках марксистско-ленинской идеологии как основного методологического подхода. Тем самым учение о законности в советской юридической науке находилось в плену идеологических постулатов, а западные исследования по проблемам законности и теории разделения властей как атрибутов правового государства, по мнению советских ученых, являлись антикоммунистическими и попытками буржуазной идеологии замаскировать классовый характер законности в антагонистическом обществе.

Что касается учения о государстве, то в марксистской доктрине государство выступало органом насилия, служащим интересам только экономически

и политически господствующего класса, и совершенно по-иному, с классовых позиций, трактовались понятия «законность», «народ», «социальная справедливость», «свобода» и др. Следовательно, созданное государство стало орудием подавления политических противников советской власти, орудием подавления инакомыслия. Руководители государства, объединив в руках партии рычаги всех ветвей власти, совершали без учета специфики социально-экономических условий внеправовые эксперименты — от насильственной коллективизации сельского хозяйства и массового переселения народов до безжалостного уничтожения неугодных режиму лиц [3, с. 114]. Можно утверждать, что в силу ряда объективных и субъективных причин вместо диктатуры пролетариата в стране установилась диктатура партийно-государственного аппарата.

В связи с этим теория правового государства (как государства, связанного правом) была объявлена буржуазной лженаукой, используемой идейными противниками коммунизма в пропагандистских и подрывных целях. Такое официальное отношение к доктрине правового государства впервые было сформулировано в докладе известного деятеля большевистской партии и советского правительства Л. М. Кагановича, который, критикуя определение советской республики как государства правового, осуществляющего свою деятельность в условиях правового режима, заявил: «Вряд ли нужно доказывать всю путанность и вредность этой немарксистской формулировки т. Малицкого. Ведь мы отвергаем понятие правового государства даже для буржуазного государства. Как марксисты, мы считаем, что буржуазное государство, прикрываемое формой права, закона, демократии, формального равенства, по сути дела есть не что иное, как буржуазная диктатура. Понятие „правовое государство“ изобретено буржуазными учеными для того, чтобы скрыть классовую природу буржуазного государства» [4, с. 9]. В результате сторонники этой теории подвергались политическим преследованиям, а основные ее положения либо категорически отвергались, либо искажались в угоду политическому произволу.

Использование классово-партийного подхода, революционной законности и следование другим требованиям марксистско-ленинской методологии явились причинами одностороннего анализа государственно-правовых явлений. Советское государствоведение специфически рассматривало механизм капиталистических государств, указывая на расширение государственных функций и централизацию власти. В свою очередь, зарубежные ученые анализировали вопрос воплощения в организацию и деятельность механизма советского государства подлинного народного суверенитета с критической точки зрения, утверждая о тоталитарном характере государственной власти в СССР. Таким образом, рассмотрение советскими учеными государственного механизма в капитали-

стических странах с критической точки зрения было логичным и объяснялось программой социалистического государства.

Тем не менее, принимая во внимание критику взглядов дореволюционных ученых в связи со сменой научной парадигмы, следует отметить, что в юридических изданиях советского периода использовался разработанный ранее понятийный аппарат и обращалось внимание на решение научных проблем, заявленных еще в дореволюционный период, что свидетельствует о преемственности научного знания. В этой связи Н. Неновски справедливо отмечает, что марксистская правовая наука не была бы возможна без научного наследства в области знаний о праве. Более значительной является преемственность в проблематике, в научных решениях и в научном аппарате отраслевых правовых наук, и в меньшей степени она выражена в общей теории и философии права, поскольку здесь рельефно проявляется и идеологическая борьба в области права [5, с. 161–163].

Советские идеологи обращали внимание на то, что социалистическое право является высшим типом права и оно коренным образом отличается от предшествующих типов, поскольку выражает волю сначала большинства общества — рабочего класса и его союзника — крестьянства, а затем — всего народа. Революционное отрицание правовой надстройки — важнейшая закономерность генезиса социалистического права. При смене капиталистической общественно-экономической формации коммунистической в соотношении отрицания и преемственности ведущая и решающая роль принадлежит отрицанию, проявляющемуся в наиболее резком, радикальном виде, ибо коренным образом отрицается сама экономическая основа предшествовавшего общества [6, с. 20–21].

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением Е. А. Скрипалева, который наиболее емко характеризует преемственность в праве между дореволюционным и советским периодом: «Как бы ни именовалось право, складывавшееся после Октябрьской революции (“советское право”, “пролетарское право”, “социалистическое право”), оно не могло не воспринять очень многое (начиная с юридической терминологии и юридических понятий) из того самого буржуазного права, которое на словах предавалось анафеме, а на деле продолжало существовать» [7, с. 51].

Данный вывод подтверждается утверждением Д. В. Щербика о том, что хоть советское право представляло собой принципиально новую правовую систему, основанную на принципах коллективизма, плановой экономики и социального равенства, тем не менее правительство большевиков было вынуждено восстановить многие элементы дореволюционного права путем включения их в правовую систему [8, с. 10].

Таким образом, в послереволюционный период в советской юридической науке произошла смена научной парадигмы (на смену методологическому

плюрализму в виде многообразия политико-правовой мысли приходит советская юридическая методология). Однако особенности политического и социально-экономического развития объективно вызвали необходимость соблюдения преемственности в праве, пусть и не в полном объеме. Последнее определялось трансформацией общественных отношений, вызванной революционными событиями 1917 г. Можно утверждать, что советское правоведение заимствовало многие доктринальные положения теоретической юридической науки дореволюционного периода.

---

1. Григорьев А. В. Некоторые тенденции развития теоретического юридического знания в послереволюционный период (1917–1930 гг. XX в.) // Актуальные проблемы психолого-педагогических и правовых компонентов образовательного процесса в военных вузах Республики Беларусь : материалы науч.-практ. конф., Минск, 20 марта 2020 г. / Воен. акад. Респ. Беларусь ; редкол.: А. Г. Тицкий [и др.]. Минск, ВА РБ, 2020. С. 160–162. [Вернуться к статье](#)

2. Григорьев А. В., Касперович Н. С. Реализация принципа революционной законности в деятельности органов охраны общественного порядка // 100-летие смены исторической парадигмы: от монархии к советскому государству : сб. науч. тр. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Павлов (пред.) [и др.]. Минск : Академия МВД, 2019. С. 147–152. [Вернуться к статье](#)

3. Вишнеvский А. Ф. Основные признаки правового государства в современной юридической науке // Демократическое социальное правовое государство — основной вектор развития Республики Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 11 марта 2009 г. / М-во юстиции Респ. Беларусь ; редкол.: В. Г. Голованов [и др.]. Минск, 2009. С. 110–115. [Вернуться к статье](#)

4. Каганович Л. М. Двенадцать лет строительства Советского государства и борьба с оппортунизмом // Совет. государство и революция права. 1930. № 1. С. 7–43. [Вернуться к статье](#)

5. Неноvски Н. Преемственность в праве / пер. с болгарского / пер.: В. М. Сафронов ; общ. ред.: Ю. С. Завьялов (Вступ. ст.). М. : Юрид. лит., 1977. 168 с. [Вернуться к статье](#)

6. Наконечная Т. В. Преемственность в развитии советского права. Киев, 1987. 104 с. [Вернуться к статье](#)

7. Скрипилев Е. А., Антонова Н. А. К характеристике законодательства первого пятилетия Советской власти (1917–1922 гг.) // Теория права: новые идеи. М. : Изд-во ИГиП РАН, 1995. Вып. 4. С. 49–61. [Вернуться к статье](#)

8. Щербик Д. В. Механизм преемственности в национальном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 ; Бел. гос. ун-т. Минск, 2008. 23 с. [Вернуться к статье](#)